

черпывающих сводок — обзоров, основанных главным образом на антропологическом, но в значительной степени и на археологическом материале. Они, как и статьи первой части сборника, сопровождаются обстоятельными библиографическими указателями и имеют большое научно-познавательное значение. Несомненно, что за справками к этим статьям будут обращаться специалисты самых различных областей. Статьи содержат критический анализ литературных источников, антропологических и археологических материалов и в то же время заострены против расистских построений зарубежных исследователей, дают резкую и обоснованную критику их.

Давая весьма положительную оценку всех статей, необходимо в то же время отметить, что авторы их, равно как и редакторы сборника, не проделали весьма необходимой работы по согласованию терминологии и заключений различных статей. Речь идет не о научных расхождениях разных исследователей; таких расхождений немало, но они неизбежны и законны в сборнике, поднимающем большие исторические проблемы. Я имею в виду другое.

С. Н. Замятин в своей статье, напечатанной в сборнике, убедительно показывает, что так называемые капсийские местонахождения Северной Африки относятся не к верхнему палеолиту, а к мезолиту. Г. Ф. Дебец же в статье «Антропологические данные о заселении Африки» пишет о том, что ранние фазы капсийской культуры соответствуют ориньяку (стр. 395). Если Г. Ф. Дебец не согласен с датировкой капсийских памятников, предлагаемой на страницах того же сборника, где напечатана его статья, С. Н. Замятым, то следовало бы оговорить и аргументировать свою датировку. Но мы полагаем, что попросту Г. Ф. Дебец, сдавая свою статью в печать, не сопоставил принятую в ней хронологию и терминологию с хронологией и терминологией, принятой в статье С. Н. Замятина.

Выводы С. Н. Замятина не учтены в статье Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова «Проблемы заселения Европы по антропологическим данным» (стр. 418). В этой последней работе употребляется и термин «китайский питекантроп», не применяемый авторами других статей сборника.

В сборнике имеется ряд примеров подобной несогласованности между авторами отдельных статей, несогласованности, которую легко было бы устранить при подготовке книги к печати. Это, разумеется, несколько затрудняет пользование сборником, особенно для читателей, не имеющих специальной подготовки.

В статье Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова, посвященной заселению Европы и очень широкой по охвату материала (от неандертальцев до XIV в.), необходимо отметить также ряд спорных и нечетких формулировок. Неясно, что подразумевают авторы под индоевропеизацией автохтонного населения (стр. 432). Сомнительны и нечетки формулировки авторов о связи аланов со скифами (стр. 449). Спорен и сомнителен ряд формулировок авторов, относящихся к происхождению болгар и хазар (стр. 453—455).

В сборнике «Происхождение человека и древнее расселение человечества», краткий обзор которого мы заканчиваем, немало положений дискуссионных и только выдвинутых, но еще не до конца разработанных их авторами. В особенности много авторам сборника, как и всем советским исследователям, предстоит поработать над реализацией в области изучения истории древнейшего человечества указаний И. В. Сталина, данных в гениальном произведении «Марксизм и вопросы языкознания». Статьи, входящие в сборник, — только начало такой реализации.

Но наличие положений, вызывающих споры и будоражащих научную мысль, так же как и наличие статей, выдвигающих большие исторические и теоретические проблемы, только повышает научную ценность рецензируемой книги. В ней обобщен, подытожен, критически проанализирован с марксистско-ленинских позиций огромный антропологический, а также археологический материал, разоблачены антинаучные построения англо-американских расистов в области антропологии и археологии. Книга подводит итоги достижениям советской науки о древнейшем прошлом человечества и в то же время значительно продвигает эту науку вперед.

Несомненно, что книга в качестве сборника ценных и интересных научных исследований, а также в качестве фундаментального справочника принесет большую пользу широким кругам советских читателей.

П. И. Борисковский

НАРОДЫ СССР

ИСТОРИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

Первый том «Истории Бурят-Монгольской АССР»¹ представляет важное событие не только в культурной жизни Бурят-Монголии, но и для советской исторической науки в целом. Как известно, история СССР не может быть изучена и разработана без истории отдельных наций, национальных групп и народностей, без истории от-

¹ Издан в 1951 г. Бурят-Монгольским научно-исследовательским институтом культуры под редакцией А. П. Окладникова.

дельных союзных и автономных республик и областей, составляющих СССР. В этом отношении нельзя не приветствовать попытки изучения и публикации «Истории Бурят-Монголии», что является вкладом в общее дело, над которым трудится коллектив советских историков.

В книге впервые широко освещается история Бурят-Монголии на большом историческом материале. Авторы излагают историю Бурят-Монголии с древнейших времен, с эпохи ранних насельников этой и сопредельной ей территории, живших первобытно-общинным строем, и доводят свой исторический рассказ до Февральской революции с тем, чтобы продолжить его во втором томе, который будет посвящен истории социалистической Бурят-Монголии. Весьма ценно и то, что авторы рассматривают историю Бурят-Монголии не изолированно, а в связи с общим историческим процессом, протекавшим в восточной части Центральной Азии до того времени, пока Бурят-Монголия не вошла в состав Русского государства, а с момента включения ее в состав Русского государства — в связи с историей последнего. Большинство вопросов истории Бурят-Монголии, затронутых в книге, изучается, а некоторые даже ставятся впервые. Отсюда видно, что это не компилятивная сводка, составленная на основании ранее опубликованных работ, а научное исследование.

Заслуживает внимания и характер источников, положенных в основу книги. В ней использованы, например, археологические материалы — ценнейший вид исторического источника для ранних периодов истории тех или иных народов, особенно в прошлом не имевших своей письменности. Большое место занимают письменные архивные документы, в том числе и публикующиеся впервые. Используются существующая историческая литература, имеющая отношение к истории Бурят-Монголии, материалы газет. Привлечены труды классиков марксизма. Иногда в качестве исторического источника привлекается устное народное творчество бурят-монголов, особенно эпические сказания. Однако, как это часто бывает в работах «чистых» историков, почти не использован обильный этнографический материал, если не считать материала о шаманских верованиях, к которому проявляется даже излишнее внимание. Между тем широкий этнографический материал, выявляющий специфические особенности национальной культуры и быта народа, нравы и обычаи, взаимоотношения между различными в социальном и национальном отношениях группами населения, является исключительно ценным и важным историческим источником. Должное использование этнографического материала могло бы дать яркую картину культуры и быта трудящихся бурят, чего по существу в книге не находим, а также позволило бы совсем по-иному изложить, например, вопрос о происхождении бурят.

В книге дан очерк истории изучения Бурят-Монголии. Но составлен он довольно поверхностно и небрежно, с ошибками. Читатель не узнает из него об идейном содержании конкретных работ тех или иных авторов, не составит представления о том, какие из этих работ и в чем сохранили свое значение до сего времени, какие являются совершенно неприемлемыми. Называется много фамилий, но что и как писали названные авторы, рядовому читателю неизвестно, тем более, что списка хотя бы основной исторической (включая этнографические и археологические работы) литературы в книге не имеется. Таким образом, научного критического разбора работ, посвященных изучению населения Бурят-Монголии, у авторов не получилось. Трудно понять, почему они даже не поставили этой задачи, почему освободили себя от обязанности вскрыть антинаучные построения и взгляды некоторых авторов. Как составители этого очерка относятся, например, к работам Н. Н. Козьмина, родоначальника «теоретического» национализма у некоторых сибирских народностей (например, у хакасов)? Разве Н. Н. Козьмин, этот последователь М. Н. Покровского, не писал по важнейшим вопросам истории бурят?

Отмечая вклад русских ученых дореволюционного периода в бурятоведение, авторы делают это настолько в общей форме, что последователь революционных демократов А. П. Шапов оказался в одном ряду с народником Д. А. Клеменцем и буржуазной либералкой А. В. Потаниной. Большим недостатком является и то, что здесь обойден вопрос приоритета русских ученых в изучении бурят.

Столь неудачно написанный историографический очерк не дает правильного представления о состоянии изученности различных вопросов истории Бурят-Монголии до появления этой книги, и это обстоятельство затруднит читателя правильно и всесторонне оценить большую работу авторов и важные научные результаты опубликованного труда.

I

Многообразное и богатое содержание книги невозможно рассмотреть и проанализировать в небольшой общей рецензии. Поэтому я остановлюсь преимущественно на ряде серьезных недостатков, иногда и ошибок, снижающих ценность изданного труда².

² Серьезные недостатки, особенно относящиеся к содержанию двух последних глав, охватывающих период с 1905 по 1917 г., уже указаны в статье т.т. Н. Шулунова, П. Матханова, В. Шатилова, П. Тышкилова «За марксистское освещение истории Бурят-Монгольской АССР», опубликованной в газете «Бурят-Монгольская Правда» № 75 от 13 апреля 1962 г. Однако необходимо отметить, что упомянутая рецензия дает преувеличенно отрицательную оценку книги. Рецензенты без достаточных осно-

Прежде всего приходится отметить, что в книге нет четкой периодизации. Хотя в предисловии говорится, что история Бурят-Монголии рассматривается «в пределах следующих этапов социально-экономического развития: 1) первобытно-общинный строй, 2) период возникновения и развития патриархально-феодальных отношений, 3) период возникновения и развития капиталистических отношений» (стр. 7), но это, разумеется, является только общей, социологической периодизацией. Для конкретной истории Бурят-Монголии она недостаточна. Если исходить лишь из этой периодизации, то следует признать, например, что буряты до революции в своем историческом развитии прошли период первобытно-общинного строя, период патриархально-феодальных отношений и вступили в период развитых капиталистических отношений. Между тем, согласиться с этим нельзя. Патриархально-феодальные отношения в Бурят-Монголии, если брать в целом бурят, были господствующим типом общественных отношений вплоть до революции. Следовательно, данная периодизация, отражающая только общую последовательность в ходе исторического развития, не может быть достаточной для целей этой книги. Поэтому, видимо, не случайно авторы, излагая конкретную историю Бурят-Монголии, фактически не придерживаются объявленной периодизации, а делят книгу на самостоятельные и равноправные по значению главы, по сути дела без всякой периодизации, стремясь соблюсти лишь хронологическую последовательность. Главы у них не распределяются, как это можно было бы ожидать, по тем трем основным периодам, о которых говорится в предисловии. Кроме того, отсутствие продуманной периодизации отчетливо видно в наименованиях самих глав. После главы «Эпоха первобытно-общинного строя на территории Бурят-Монголии», которая говорит как будто о том, что авторы намерены придерживаться декларированного принципа, вместо главы (или раздела с рядом глав) о возникновении и развитии патриархально-феодальных отношений, как это должно быть по упомянутой выше периодизации, идут главы: «Прибайкалье и Забайкалье в эпоху древних и средневековых государств Центральной Азии» и «Происхождение бурят-монгольского народа». Затем уже идет глава о «Патриархально-феодальных отношениях у бурят». Из такого расположения глав следует, что буряты как народность сложились в эпоху первобытно-общинного строя, что противоречит фактам. Далее идет глава «Присоединение Бурят-Монголии к Русскому государству», отражающая уже не социально-экономический признак, а факт политической истории, а после нее глава: «Социально-экономическое развитие Бурятии во второй половине XVII и в XVIII в.», где по существу речь идет опять-таки о патриархально-феодальных отношениях у бурят. Вслед за этим дается глава «Бурят-Монголия в первой половине XIX в.», название которой чисто хронологическое. Совершенно непонятно, почему эта глава сделана самостоятельно, если исходить из принципа периодизации, объявленного авторами, к какому же социально-экономическому периоду она относится? Конечно, тут можно предполагать, что она относится к периоду патриархальных отношений, ибо последующая глава именуется «Бурят-Монголия в период развития капитализма в России во второй половине XIX и начале XX в.». Однако здесь для периодизации взят признак, относящийся уже к истории дореволюционной России, что сделано также и в отношении тринадцатой и четырнадцатой глав. Весь этот разноречивый в наименовании и следовании глав свидетельствует об отсутствии в книге периодизации. От этого книга, конечно, проигрывает. Правильнее было бы разбить работу по более конкретным для истории Бурят-Монголии, периодам, при изложении которых, само собой разумеется, необходимо показать, как шло социально-экономическое развитие, составляющее основу исторического процесса. При такой периодизации можно было бы показать и как изменялись те же патриархально-феодальные отношения у бурят в различное время. Ясно, что патриархально-феодальные отношения в XVII в. и в начале XX в.—не одно и то же. В конкретной истории Бурят-Монголии, например, огромное значение имел период пребывания бурят в составе Русского государства до революции. Имеются все основания выделить этот период в самостоятельный, а внутри его можно было бы наметить ряд глав, которые осветили бы историю этого важного периода на основе социально-экономического развития населения Бурят-Монголии. Все сказанное по поводу периодизации позволяет заключить, что мы имеем дело не с историей Бурят-Монголии, а с очерками по истории Бурят-Монголии.

Ваней обвиняют большой коллектив советских историков (авторов, редакторов и, добавим, рецензентов и лиц, принимавших участие в предварительном обсуждении книги, поименованных в предисловии) в недобросовестном отношении к работе над книгой. В том, что они «не справились с поставленными перед ними задачами, отнеслись безответственно к порученному им делу, проявили неоправданную поспешность в столь важном деле». С этим согласиться, конечно, нельзя. Не считается с состоянием источников и степенью разработанности ряда серьезных вопросов или не зная этого, рецензенты нагромождают перед авторами книги много задач, разрешимых и неразрешимых, больших и малых, нужных и ненужных для данной работы. Например, рецензенты обвиняют авторов в том, что в книге «не нашел отражения процесс формирования и становления рабочего класса в Сибири» или что авторы не дают достаточно сведений «о путях развития земледелия и орудий сельскохозяйственного производства, о процессах его совершенствования в разные периоды и в различных районах Бурят-Монголии» и т. д.

II

Нет достаточной четкости в трактовке вопросов общественных отношений, общественного строя бурят. Это относится прежде всего к патриархально-феодальным отношениям, являющимся до революции преобладающей формой общественных отношений у бурят там, где сохранилось скотоводческое хозяйство и патриархально-родовая быль. Авторы не вскрывают сущности и своеобразия этой ранней формы феодальных отношений, открытой И. В. Сталиным и характерной для скотоводческого хозяйства. Трудно подумать, что авторам неизвестно, насколько широко и основательно разработан данный вопрос советскими этнографами и историками, использовавшими упомянутые указания И. В. Сталина применительно к конкретной истории многих советских народностей (алтайцы, хакасы, тувинцы, казахи, киргизы, якуты и др.). Непонятно, почему этот важный вопрос рассмотрен только для XVI—XVII вв., на скудном, отрывочном материале, вынуждающем автора говорить о наличии патриархально-феодальных отношений только предположительно, например, «следует полагать», «надо думать» и т. п. (см. стр. 103), в то время, как его можно было бы показать на ярком конкретном бурятском материале конца XIX и начала XX в.

Не подчеркнута реакционная роль патриархально-феодальных отношений, позволявших нойонам и баям жестоко эксплуатировать бедноту под видом «родственной помощи», что весьма тормозило пробуждение и рост классового самосознания трудящихся бурят. Между прочим, последним обстоятельством объясняется то, что нойоны и бай упорно держались за эту форму эксплуатации вплоть до революции.

Авторы признают господство патриархально-феодальных отношений у бурят, видимо, только в XVI—XVII вв., ибо в дальнейших главах о патриархально-феодальных отношениях у них говорится мимоходом, а для второй половины XIX в., вместо патриархально-феодальных отношений, говорится об отношениях «полуфеодальных», причем в этот термин вкладывается понятие сочетания феодальных и капиталистических отношений.

Посмотрим теперь, как авторы определяют общественный строй. «Для бурятского общества второй половины XIX в., — пишут они, — было характерно переплетение капиталистических отношений, проникавших в улусы, с полуфеодальными и патриархально-родовыми. Здесь существовали следующие типы хозяйств, соответствовавшие определенным социально-экономическим укладам: 1. Крупные скотоводческие и земледельческие хозяйства полуфеодального нойонства, применявшего докапиталистические и капиталистические способы эксплуатации. Последние становились преобладающими. 2. Капиталистический уклад в форме буржуазно-кулацкого хозяйства, основанного на эксплуатации наемного труда батраков и поденщиков, зачатках промышленного предпринимательства и торгово-ростовщической эксплуатации бедняцкого и середняцкого крестьянства. Кулаки прибегали при этом по примеру нойонов и к полуфеодальным способам эксплуатации. 3. Мелкие хозяйства бурятских крестьян, в которых элементы простого товарного хозяйства переплетались с патриархально-натуральным укладом» (стр. 412). Таким образом, общественный строй бурят для второй половины XIX в. характеризуется наличием трех укладов: полуфеодального, который уступал место капиталистическому укладу, так как капиталистические формы эксплуатации в хозяйствах, характерные для полуфеодального уклада, по утверждению авторов», «становились преобладающими», затем — капиталистическим и, наконец, патриархально-натуральным. Из этого следует, что уже во второй половине XIX в. буряты вступили на путь капиталистического развития, так как капиталистический уклад у них становился ведущим. Можно ли с этим согласиться? Полагаю, что нельзя. Это явное преувеличение степени развития капиталистических отношений у бурят. Как и для ряда других народов с преобладанием скотоводческого хозяйства (Казахстан, Киргизия, Азербайджан), для бурят накануне Великой Октябрьской революции были характерны патриархально-феодальные отношения, которые переплетались с возникающими капиталистическими отношениями. Известно, что И. В. Сталин относит бурят к числу тех народов, которые, в результате политики царизма к моменту Октябрьской революции оказались неразвитыми и политически отсталыми, которые в своем развитии не ушли дальше первобытных форм полупатриархально-полуфеодального быта, для которых характерными были именно патриархально-феодальные отношения³. Известно, что И. В. Сталин призывал партию в 1921 г. помочь таким отсталым народам «ликвидировать пережитки патриархально-феодальных отношений и приобщиться к строительству советского хозяйства на основе трудовых крестьянских Советов...»⁴.

Давая приведенное выше определение общественного строя бурят, преувеличивающее степень развития капитализма, авторы, видимо, сами не очень-то в нем уверены, ибо несколькими страницами дальше с большим основанием заявляют: «В период, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революции, Бурят-Монголия двигалась по пути разложения полуфеодальных и полупатриархальных отношений и роста капитализма, но не стала еще целиком на путь капиталистического развития» (стр. 418). Достаточно сопоставить две приведенные цитаты из книги, чтобы убедиться в справедливости упрека авторам об отсутствии необходимой четкости в рассматриваемом важнейшем вопросе.

³ См. И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 23—25.

⁴ Там же, стр. 25.

III

Довольно подробно рассматривается в книге вопрос о включении Бурят-Монголии в состав Русского государства и правильно отмечается положительное, прогрессивное значение этого важного события в истории бурят. Показана общность интересов трудящихся бурят и русских, их совместная борьба с эксплуататорами, исторические корни их дружбы, роль русского трудового крестьянства в творческом освоении земельных просторов Сибири, ее природных богатств и в связи с этим оживление и развитие экономики Бурят-Монголии и т. п. К сожалению, авторы не дали итоговой главы (или раздела главы), где следовало бы показать в обобщенной форме, за весь период пребывания бурят в составе Русского государства, роль и значение русского народа и его передовых деятелей в поднятии экономического, культурного и политического уровня трудящихся бурят даже в условиях колониальной политики царизма, направленной к разъединению и национальной розни населения Бурят-Монголии. Более того, в этой главе можно было бы показать, что трудящиеся буряты при царизме не только не вымерли, не только сохранились физически, но и весьма увеличились в численности, благодаря тесной связи с русским народом и его благотворному влиянию на хозяйство и быт бурят. В связи с этим замечу, что положительное влияние культуры русского народа на домашний быт бурят, на жилище, одежду, питание, средства передвижения, на исчезновение и отмирание некоторых архаических семейных и религиозных обычаев и т. п. не нашло отражения в книге. Это произошло, вероятно, потому, что авторы явно обошли вопросы специфических особенностей культуры и быта бурят, вследствие недостаточного внимания к этнографическому материалу. Было бы куда полезнее и целесообразнее осветить эти вопросы, чем описывать на многих страницах дикие и невежественные шаманские представления. Советские историки обязаны помнить основополагающее указание И. В. Сталина, сделанное им в 1948 г. на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации: «...каждая нация,— все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являюся тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»⁵. Авторы не использовали данное указание И. В. Сталина, они не показали читателю, какой же вклад в сокровищницу культуры внес бурят-монгольский народ. Это нужно было сделать, и для этого имеется большой и яркий материал. Возьмем, например, народное творчество бурят, народное изобразительное искусство — разве это не подходящий материал? Авторы не только не использовали его для указанной цели, но даже не дали ему надлежащей характеристики. Некоторое внимание они уделили устному народному творчеству (главы V и IX), правда, с другой целью, причем допустили в характеристике его ряд ошибок, о чем будет сказано дальше.

Возвращаясь к вопросу о культурно-экономических связях трудящихся бурят и русского трудового населения, нельзя не упрекнуть авторов в том, что они не подчеркнули культурного влияния бурят на русских, оставили вне рассмотрения связи бурят с эвенками. Не рассмотрели на этой основе авторы и вопрос о национальных взаимоотношениях в Бурят-Монголии как между трудящимися различных национальностей, так и между эксплуататорской верхушкой бурят, русских и эвенков.

Отметив положительную роль включения бурят в состав Русского государства, авторы правильно и подробно характеризуют колониальную политику царизма. В этом отношении можно только заметить, что характеристика царской колониальной политики с момента вхождения бурят в Русское государство до половины XIX в. дается преимущественно в описательном плане, без достаточного научного анализа. Примером такого подхода может служить изложение реформы 1822 г. М. М. Сперанского. Классовая сущность этого первого законодательного акта колониальной политики царизма в Сибири не вскрыта и не подчеркнута, несмотря на то, что «Уставу об иро-родцах» посвящен специальный раздел главы VIII. Нужно было подчеркнуть, что важнейшей особенностью Устава являлось объявление в законодательном порядке земель ясачного населения Сибири собственностью крепостнического дворянского государства. Эти земли передавались ясачному населению только во владение с правом ясачным устанавливать формы пользования ими «по жребию или другим обыкновениям». Следовало бы также показать и либеральный характер этой реформы по сравнению с формами управления колониальным населением другими капиталистическими державами (особенно Англией, Америкой, Францией и т. д.).

IV

Коротко об ошибках, связанных с характеристикой устного народного творчества. Недопустимо относить к устному народному творчеству бурят мифологию и «культурную поэзию» (стр. 115), т. е. шаманские призывания, а героический эпос выводить из магии, придавая эпосу первоначально магическое значение (стр. 123). Это отражает порочные взгляды А. Веселовского, столь резко осужденные советской наукой. Касаясь вопроса возникновения устного народного творчества у бурят, автор по существу проповедует (стр. 115) взгляды матерого буржуазного идеолога К. Бюхера, объ-

⁵ «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

яснявшего происхождение устного народного творчества из ритма трудового процесса. Знает ли автор об этом? Разве ему неизвестно по печатным выступлениям советских ученых, что зачатые идейные враги нашего великого писателя и исследователя фольклора М. Горького, вроде «веселовца» А. В. Аничкова или мракобеса С. Н. Булгакова, всячески пропагандировали и превозносили К. Бюхера? Непонятно, почему замолчены высказывания об устном народном творчестве В. И. Ленина и М. Горького, вошедшие в основную теоретический фонд советской фольклористики? Наконец, можно спросить, почему автор, характеризуя теоретические сказания бурят, опирается на Б. Я. Владимирцова, ошибочные взгляды которого на монголо-ойратский героический эпос уже выявлены, как выявлена и их теснейшая связь с буржуазно-социологической школой в фольклористике (например, с работами буржуазного фольклориста Келтуялы, в разоблачении которых сыграл большую роль М. Горький)?

В советской науке установились твердые взгляды на происхождение народного творчества. Доказано, что именно народные массы являются подлинным творцом устных произведений, что устное народное творчество зародилось еще в эпоху первобытно-общинного строя, как специфическая форма общественных представлений этой эпохи, отражающая определенные взгляды и идеи конкретных родовых или племенных общин. Устное творчество возникло как своеобразное (художественно обобщенное) отражение и познание реальной действительности, как отражение успехов общественной трудовой практики человека. Религиозные же воззрения и культовая «поэзия» возникли в результате бессилия человека перед силами природы, отражая не реальные, а фантастические, искаженные представления и понятия как об окружающей, так и о собственной ей природе. С периода разложения родового строя и возникновения классового расслоения усложняется и идейное содержание устных произведений, которое только и может быть надежным определителем социальной принадлежности произведения. Анализ идейного содержания позволяет утверждать, что, наряду с подлинно народными эпическими сказаниями, существуют антинародные произведения, отражающие идеологию феодально-байского класса. Примером этого могут служить большинство редакций бурятских сказаний о Гесэр-хане (о котором почему-то ни слова не сказано в книге) и многие сказания западно-монгольского или ойратского героического эпоса. Такие факты известны в отношении эпоса алтайцев, киргизов, узбеков, туркмен и т. д. Устные произведения всегда создавались в определенной общественной среде. Вот почему при изучении и публикации устного творчества ни на одну минуту нельзя забывать о главном, именно о его идейном содержании.

Нет никакого сомнения в том, что трудовые массы бурят-монгольского народа создавали свои произведения, в которых мечтали о свержении эксплуататоров, о свободной, счастливой жизни. Однако обо всем этом мы ничего не узнаем, прочитав раздел устного творчества в книге «История Бурят-Монголии».

Нельзя пройти мимо недостатков и ошибок, содержащихся в главах по ранней истории. В главе «Прибайкалье и Забайкалье в эпоху древних и средневековых государств» гуннский племенной союз ошибочно трактуется как настоящее государство, возникшее в условиях классового общества в результате классовых противоречий. Автор главы совершенно голословно утверждает, что «перерастание их племенного союза в государство было подготовлено внутренними социально-экономическими сдвигами в гуннском обществе, в первую очередь развитием производительных сил и связями с Китаем». Автору, видимо, неизвестно состояние «гуннской проблемы» в советской исторической науке. Больше того, из этого следует, что автор либо не понял, либо не учел известного высказывания И. В. Сталина, который определял империи древности и средневековья как «случайные и мало связанные конгломераты групп, распавшиеся и объединившиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»⁶.

В своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин снова касается этого вопроса и указывает, что эти империи «не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения»⁷. Гуннский племенной союз обладал именно этими признаками. Любопытно, что, начав главу с определения гуннского союза как классового государства, автор заканчивает ее неожиданно тем, что относит объединение гуннов, как и монголов времени Чингис-хана, уже к типу временных и непрочных военно-административных объединений, состоящих из конгломератов племен и народностей, причем вполне убедительно ссылается на И. В. Сталина, приводя эти же цитаты. Создается впечатление, что концовка главы была приписана позднее, в связи с выходом в свет нового труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», к старому тексту главы, написанному с иных, неправильных теоретических позиций. Таким образом, ценнейшие указания И. В. Сталина по этим вопросам надлежащим образом не использованы. Это видно также из того, что автор объясняет слабость и недолговечность Монгольской империи Чингис-хана тем, «что феодальные отношения, господствовавшие в Монгольской империи, сами по себе способствовали не укреплению центральной власти, а ее ослаблению и децентрализации» (стр. 70—71). Так говорится в середине главы, а в концовке

⁶ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293.

⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

ее это объясняется уже другой, более правильной причиной, а именно тем, что Монгольская империя не имела прочной экономической базы и представляла случайный конгломерат племен и народностей, объединенный успехами завоеваний Чингис-хана. Однако само образование империи Чингиса, которую, кстати напомнить, Маркс называл «объединением орд и племен», в тексте главы автором объясняется тем, что «рост и могущество феодальной знати и ее классовые интересы, оказавшиеся в антагонистическом противоречии с интересами трудящихся монголов, привели к тому, что такое государственное объединение возникло» (стр. 66). В концовке же главы возникновение Монгольской империи объясняется уже успехами завоевателя Чингис-хана.

Отметим некоторые «перлы» этой главы. Автор уверяет, что некоторые звероловческие племена Саяно-Алтайского нагорья «приручали диких животных — марала, козулю, которые служили им выючными животными» (стр. 62). Это развесистая клюква. Марал никогда не был приручен и не выючился человеком. Лишь русские крестьяне положили начало его одомашнению (содержали в загородах в целях получения пантов), но далеко не приручению. Про козулю же и говорить нечего. Это исключительно пугливое и осторожное животное (очень слабосильное), которое даже не пытались приручить и одомашнивать, тем более выючить. Никакого выюка оно выдержать не может. На той же странице при характеристике скотоводства степных племен упущена такая «деталь», как разведение овец, одного из самых древних домашних животных, особенно широко разводимых именно кочевниками-степняками.

V

С главой «Прибайкалье и Забайкалье в эпоху древних и средневековых государств» тесно связана тема следующей главы «Происхождение бурят-монгольского народа». Читатель вправе ожидать, что в этой главе будет показано происхождение бурят на широком историческом фоне. Однако в книге этого нет. Происхождение бурят совершенно не раскрыто. Здесь снова тот же порок — не использованы основополагающие указания И. В. Сталина, заключающиеся в его труде «Марксизм и вопросы языкознания», где дана методологическая и теоретическая основа марксистского учения о происхождении народов. Характеризуя процесс развития языка с глубокой древности и до современности, И. В. Сталин пишет: «За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми»⁸.

Отсюда следует, что процесс происхождения народностей — весьма сложный процесс, в течение которого происходит дробление и расхождение, смешение и скрещение различных племен, родов и территориальных групп. Это обязывает вопрос происхождения бурят исследовать непременно на фоне того сложного исторического процесса, который протекал в восточной части Центральной Азии с древнейших времен и особенностью которого являлось частое образование и распадение временных военно-административных объединений, состоящих из конгломератов разноязычных племен и родов. Но автор главы вместо этого пошел по линии изложения мифов, фантастическое содержание которых трудно увязать с фактами конкретной истории. Автор лишь вскользь упоминает об археологическом и особенно палеоантропологическом материале, который играет важную роль при определении ранних этапов сложения тех или иных племен и народностей. Автор отказывается от анализа исторического материала, имеющего целью выяснить, какие этнические элементы вошли в состав бурят и в какой исторический период. Он отделяется от этой трудной работы двумя фразами: «После людей бронзового века на территории Забайкалья жили другие народности — гунны, сяньби, жужане, древние тюрки и, наконец, монголы. Имеются основания полагать, что подобно древним динлианам и эти народы, сойдя с исторической арены, не исчезли физически, не вымерли целиком, но растворились в своих потомках и, так или иначе, вошли в состав позднейшего населения Забайкалья и Прибайкалья» (стр. 79). В первой фразе содержится грубая ошибка — гунны, как и сяньбийское, жужанское и древнетюркское военно-административные объединения, различных этнических элементов, не составляли народности. Это были конгломераты племен и народностей. Вторая фраза просто бессодержательна, ибо она не дает представления о том, как, каким образом, какие этнические элементы вошли в состав позднейшего населения Забайкалья и Прибайкалья. Внимание автора особенно привлекают древние курыканы, которых он безоговорочно считает тюрками по языку, ссылаясь на факты наличия в бурятском языке большого количества тюркских слов. Факт неоднократного вхождения в состав предков бурят-монголов тюркоязычных этнических элементов не вызывает сомнения, но почему это курыканы, а, скажем, не уйгуры, не енисейские киргизы? Разве это опирается на анализ тюркской лексики, бытующей в языке бурят? Автор совершенно не исследует и, видимо, даже не учитывает вхождение в состав предков бурят тунгусоязычных групп населения. Вместо этого он фантазирует по поводу участия самоедских или самодийских племен в образовании бурят. Возможно, что некоторые самоедоязычные южные племена и группы, обитавшие в древности в Саяно-Алтайском нагорье, также вошли в сложный этнический состав бурят, но доказывать это так, как делает наш автор, совершенно недопустимо. Он делает это

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

путем проведения аналогий двух (!) терминов: бур. нохай — «собака» с ненецким ноһо — «песец», и бур. шоно — «волк» с ненецким һона — «лисица». Не говоря уже о неудачном сопоставлении собаки и песца, волка и лисицы, которых охотничьи народы никогда не спутают, автор, очевидно, не допускает мысли, что у монгол названия собаки и волка одинаковы с бурятским, что монголы, как и буряты, могли дать собственные наименования этим животным, не прибегая для этого к заимствованию из ненецкого языка. Кстати сказать, оба эти бурятских названия для волка и собаки известны в древнемонгольском языке.

В связи со сказанным необходимо напомнить, что советская историческая наука решает вопросы происхождения того или иного народа прежде всего в свете упомянутого выше указания И. В. Сталина и на основе сочетания различных видов источников, а именно: археологических, антропологических, лингвистических, исторических, этнографических, фольклорных и т. п. Только совокупность упомянутых видов источников позволяет охватить и исследовать сложный и длительный процесс происхождения того или иного народа. Только таким образом может быть решен этот вопрос и в отношении бурят-монгольского народа.

В заключение нельзя не упомянуть и о том, что главы рецензируемой книги написаны различным языком и стилем. Одни из этих глав снабжены научным аппаратом, другие его не имеют. Необходимо пожелать, чтобы в следующем издании этой весьма нужной и, несмотря на серьезные недостатки, все же ценной книги высказанные критические замечания были учтены.

Л. Потанов

Былины Севера, том второй. Материалы рукописного хранилища Сектора фольклора Института русской литературы Академии Наук СССР. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. М.—Л., 1951, 847 стр.

Книга А. М. Астаховой представляет ценный вклад в фонд публикаций русского былевого эпоса. «Настоящая книга является второй и завершающей частью издания, первая часть которого — «Былины Севера», том I — вышла в 1938 г., — пишет автор (стр. 5). Это издание — результат многолетней экспедиционной работы «в пяти основных былинных очагах», причем и «в местах, в прошлом слабо обследованных» (стр. 5). Первый том содержит записи былин на Мезени и Печоре, второй — в Прионежье, Поморье и на Пинеге, включая около 150 текстов былин, записанных от 70 лиц в 44 населенных пунктах. Это показывает значительность объема проведенной собирательской работы. Записи текстов сделаны в основном самой А. М. Астаховой; часть текстов записывалась другими участниками экспедиций; З. В. Эвальд, И. В. Карнаухова, М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпониной и др.

Издание осуществлено на высоком научном уровне: оно отличается тщательностью записей в умеренной фонетической транскрипции, причем отмечаются «колебания произношения... характерные для живой речи» (стр. 7), продуманностью и полнотой научного аппарата — приложены биографические очерки о сказителях, подробные примечания, словарь к обоим томам (свыше 700 слов), ряд указателей, облегчающих пользование книгой и имеющих самостоятельное значение для изучающих русский эпос.

Наибольший интерес представляют тексты Прионежья, которые и количественно занимают в книге большую часть (99 номеров, в то время как с Пинеги — 37 номеров, а из Поморья — всего 9).

Бытование сюжетов былин различия по районам записи: лишь около четверти текстов, преимущественно записанных в Прионежье, представляет сюжеты героических былин или новгородских городских новелл; свыше половины текстов, в основном с Пинеги и Поморья, — былины-баллады, приближающиеся к типу «безыменных эпических песен» (стр. 781) — «Дмитрий и Домна», «Роман и его дочь Настасья» и др.; остальные тексты — исторические песни, пародии, небыллицы. Тексты неоднородны по качеству: наряду с текстами таких мастеров, как Н. С. Богданова, П. И. Рябинин-Андреев, братья Суриковы, от ряда сказителей записаны полузабытые, художественно неполноценные варианты.

Работа собирательницы была подчинена задаче выяснения состояния былинной традиции в конце 20-х — начале 30-х годов и изменений, произошедших в XX в. в былинном творчестве (особенно в семьях сказителей, от которых записи былин были уже сделаны собирателями XIX — начала XX в.). Район работы в Прионежье, проводившейся А. М. Астаховой и ее сотрудниками от научных организаций Ленинграда в основном в 1926 и 1931—1932 гг., частично совпал с аналогичной работой московских экспедиций 1926—1928 гг. (Государственной академии художественных наук, под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых), результаты которой были опубликованы¹. В примечаниях к «Былинам Севера» А. М. Астаховой указываются все случаи, когда дублетная или дополняющая запись от тех же сказителей была сделана и экспедицией ГАХН. Ряд повторных записей дает возможность исследовать вариативность текстов, а комментарии обоих изданий об исполнителях и бытовании былин взаимно дополняют друг друга.

¹ См. сборн. «Онежские былины», Летописи Гослитмузея, т. 13, М., 1948.